

Павельева А.К.

кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранной филологии и перевода

Полтавский национальный технический университет

имени Юрия Кондратюка

г. Полтава, Украина

**«ИВАН ФЕДОРОВИЧ ШПОНЬКА И ЕГО ТЕТУШКА» Н. В. ГОГОЛЯ:
ХРОНОТОПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ**

Повесть «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» производит впечатление наиболее реалистичной и наиболее «бытовой» (насколько это возможно в условном пространстве и времени художественного текста). Время её действия приближено к времени автора. Вместе с «Сорочинской ярмаркой» эти два произведения по пространственно-временным параметрам составляют условную пару: в обоих действие разворачивается в рамках хроникально-бытового хронотопа. С этой точки зрения логичнее было бы завершить цикл повестью «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», а не «Заколдованном местом». Однако в такой структуризации есть своя логика. После повести «о настоящем», события в которой происходят в помещичьих усадьбах Вытребенки и Хортыще, в Гадяче и Могилёве, история «из прошлого» (более того, мифологического прошлого), произошедшая в фантомном, деформированном пространстве, кажется более фантастичной, мистичной и удивительной. «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» и «Заколдованное место» составляют повествовательную пару по хронотопическому принципу «бытовое пространство-мистическое пространство», «настоящее-прошлое», «день-ночь» (как основное время сюжетного действия) и т. п. Так, В. И. Мацапура справедливо указывает, что Гоголь поместил повесть о Шпоньке между «Страшной местью» и «Заколдованном местом» для того, чтобы подчеркнуть контраст между указанными текстами: «...Действие повести происходит не в былые времена; она лишена фантастической окраски (за исключением сна главного героя), в ней отсутствуют образы казаков, героизация прошлого. А самое главное – в произведении доминирует стихия повседневного быта» [3, с. 79]. Тоска по

прошлому здесь присутствует, но она едва уловима. Так, рассказчик замечает, что во вздохе старушки (матери Сторченко) «...какому-нибудь наблюдателю слышался бы <...> вздох старинного осмнадцатого столетия» [1, с. 304].

Хронотоп дороги в повестях Гоголя с мистической доминантой («Вечер накануне Ивана Купала», «Майская ночь, или утопленница», «Пропавшая грамота», «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть», «Заколдованное место», «Вий») приводит героя к «нечисти», «переводит» его в другой, подвластный демоническим силам мир, плавно перетекает в мистический или фантастический хронотоп. Соответственно, мотив дороги в таких произведениях непременно сопряжён с испытаниями, приключениями, неприятностями, страхом.

В отличие от вышеназванных повестей, в хроникально-бытовом хронотопе «Сорочинской ярмарки» и «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки» хронотоп дороги не просто нейтрален, а наделён позитивной эмоционально-смысловой коннотацией. Например, в первом произведении встреча в дороге (на мосту через Псёл) предопределяет свадьбу героев, а дорога из Могилёва через Гадяч приводит Ивана Фёдоровича Шпоньку к давно не виденному родному (отчому) дому в Вытребеньках.

При этом хронотоп корчмы сохранил в рассматриваемом произведении свою традиционную (для первых двух циклов Гоголя) мистическую семантику. Так, судьбоносное знакомство со Сторченком происходит именно в трактире, да ещё и в мистическое время – когда «солнце давно уже зашло» [1, с. 289]. К тому же, старуху, содержащую этот трактир, Сторченко называет «старой колдуньей». Эти художественные детали интертекстуально отсылают читателя к повести Гоголя «Вий». Конечно, они не предполагают явной взаимосвязи этих произведений. Скорее, это можно назвать народным предубеждением против трактира/шинка/корчмы, неявно дающим о себе знать в сюжетах гоголевских циклов «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород».

В повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка» в мельчайших деталях отражён быт и повседневные занятия отставного подпоручика и мелкого помещика. Как верно подметил Н. Н. Надеждин, никто до Гоголя не умел изобразить быт «так живо, так очаровательно...» [4, с. 281]. Повествователь

фиксирует внимание на таких деталях хронотопического образа хутора Вытребенки, как «ветряная мельница», «пруд», «гребля», «старинный домик, покрытый очеретом». С точки зрения В. И. Мацапуры, это «не только определённые топосы, но и связанные с ними этапы жизни, в частности, период детства» [3, с. 84].

Не последнюю роль в этом помещичьем мире условной современности играет мотив еды. Впрочем, его можно охарактеризовать как один из лейтмотивов «поместных» повестей – «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки», «Старосветских помещиков» и «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Трапезничанье и приготовление всевозможных яств занимало немало времени в жизни помещиков. Однако в повести имеются также и лирические зарисовки. В частности, поэтическое описание поля и степи летним вечером ощутимо напоминает отрывок из повести «Тарас Бульба».

Е. Е. Дмитриева полагает, что село Хортыще, в котором живёт Григорий Григорьевич Сторченко, отсылает читателя к повести «Страшная месть», неявно напоминая о временах гетмана Сагайдачного. Исследовательница уверена, что это село названо так по имени расположенного напротив него на Днепре острова Хортица, на котором в 1620 году, по приказу Сагайдачного, начала воздвигаться Сечь [2, с. 54–55]. Думается, такие исторические параллели в данном случае несколько преувеличены. С такой же вероятностью название имения, на наш взгляд, может происходить, скажем, от украинского «хортище» (увеличительное от «хорт» или «хірт» – борзая, охотничья собака).

Иван Фёдорович Шпонька, по мнению Б. И. Николаева, после многих лет испытаний, пусть и незначительных, и в чём-то комических, попадает в родной дом, и не просто в быт, а в особый замкнутый мир, обустроенный стараниями предков, актуализированных и персонифицированных образом тётушки. «И разделить это пространство с кем-либо, в данном случае – с женой, герой не то что не может, но – больше – для него это равнозначно абсолютному кошмару. Так в самом жизнерадостном цикле писателя появляется мотив отчуждения, выраженный в пространственных образах», – полагает литературовед [5, с. 174].

Действительно, мотив нежелания разделить с кем-то бытовое (жизненное) пространство играет в рассматриваемой повести смыслообразующую роль. Боязнь впустить в пространство (в широком смысле – в свою жизнь) другого человека (жену) заканчивается сюрреалистическим сном, предполагающим альтернативную вселенную, другой вариант времени (жизни) и пространства, разделённого с супругой. Это не сон-забытьё или сон-очищение, как в остальных повестях цикла «Вечера», а сон-иномирие, воспроизводящий привычные герою время и пространство, но с другим развитием событий (после возможной свадьбы).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : [В 14 т.]. Т. 1. Ганц Кюхельgarten ; Вечера на хуторе близ Диканьки / АН СССР ; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) ; гл. ред. Н. Л. Мещеряков ; ред. : В. В. Гиппиус (зам. гл. ред.), В. А. Десницкий, В. Я. Кирпотин, Н. Л. Мещеряков, Н. К. Пиксанов, Б. М. Эйхенбаум. [М. ; Л.] : Изд-во АН СССР, 1937–1952. 556 с.
2. Дмитриева Е. Е. К вопросу об «исторических неточностях» в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» *Н. В. Гоголь : Загадка третьего тысячелетия* : Первые Гоголевские чтения : Сб. докл., М. : Книж. дом «Университет», 2002. С. 49–63.
3. Мацапура В. И. О художественном своеобразии повести Гоголя «Иван Федорович Шпонька и его тетушка». *Вісник Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка. Серія: Літературознавство*. Кам'янець-Подільський: Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка, 2011. Вип. 2. С. 78–87.
4. Надеждин Н. Н. Литературная критика. Эстетика. М., 1972. 256 с.
5. Николаев Б. И. Организация пространства в «украинских» повестях Н. В. Гоголя. *Гоголь и современность (к 185-летию со дня рождения)* : Материалы научной конференции. К. : Русь, 1994. С. 170–175.